

Вальтер Каспер

ХРИСТИАНСТВО БЕЗ ТРАДИЦИЙ?

1. Христианство без традиций?

Кюнг заявляет, что его задача — доказать, что христианство это особенно хорошая вещь. Нет сомнения в том, что ему удалось сделать это для многих вопрошающих и ищущих современников. Ганс Кюнг пробил стену чистой церковности и заявил о себе как о красноречивом апологете христианства среди "презирающих его образованных людей" /Ф.Шлейфмахер/. Этот факт заслуживает безусловного признания.

Несмотря на это, конструктивная книга Кюнга "Быть христианином" нашла, однако, не только признание, но и критику, выражающуюся в том, что отдельные ее положения противоречат традиционным положениям христианства /например: трактовка божественного сыновства Иисуса Христа/. Эта критика становится еще более серьезной, если учесть, что Кюнг противоречит не только католической, но и христианской точке зрения в целом. Христианство без традиции становится в таком случае также и христианством без будущего: если иметь в виду экуменическую перспективу, по отношению к которой Кюнг чувствует в себе особые обязательства.

Но если мы внимательно прочтем все 676 страниц "Быть христианином" и сравним эту книгу с более ранними сочинениями Г.Кюнга, то мы вскоре обнаружим, что его позиция в делах религии не сводима к однозначным формулам. Кюнг занимался вопросами церковной традиции больше, чем некоторые другие теологи, он сведущ в вопросах истории догматов и теологии и считает, что эта осведомленность необходима всякому теологу. В этом смысле слова для Кюнга не существует христианства без традиций! И все же Кюнг выступает против традиционного христианства.

Как это понимать? Что Кюнг и его критики понимают под традицией?

На первых же страницах Кюнг совершает двойное отмежевание: в противоположность церковному традиционализму и

догматизму, он хочет указать, что такое христианская программа в своей первоначальной точке зрения, "еще не закрытой для нас пылью и наносами двух тысячелетий" и "что она может означать сегодня для осмысленной наполненной жизни". В противоположность же модернистской и конформистской позиции приспособления он выступает против "расхожего христианства" и против "разбазаривания христианской субстанции".

Субстанция, или, как Кьунг чаще всего говорит, особенное и отличное в христианстве — это память об Иисусе Христе. Имеется в виду не романтическая реставрация или внеисторическая репр^{езент}ентация, — "христианство заинтересовано в Иисусе, каким он встречается нам здесь и сегодня, заинтересовано в том, что Он вам может сказать в настоящее время о человеке и обществе".

Эту серединную позицию между двумя экстремами можно было бы обозначить как динамичное и критичное понимание традиции. Мы можем благодарить христианскую традицию, существующую в морали, литературе, искусстве, теологии и догме за то, что воспоминание об этом Христе еще живет. Без преемственности в опыте христианской общины не было бы живого христианского благовествования и живой христианской веры. И ни один теолог не может безнаказанно порвать с великой традицией. Тут же Кьунг добавляет: "Великая традиция [необычайно] сложнее". Очень различны, полны контрастов, часто противоречивы свидетельства об одном и том же Христе. Даже традиционно настроенные теологи должны признать: в этой традиции не может быть все одинаково истинным, не может быть одновременно истинным."

Действительно, традиционные теологи должны как-то соответствовать динамичному и критическому пониманию традиции. Традиционная теология должна очень много потрудиться над тем, чтобы выработать критерий для поиска единой точки зрения на традицию, которая объединила бы мнения, разрозненные позиции. Для традиционной теологии неоднозначно и все то, что в христианстве, понятом с обыденной точки зрения, принимается за традицию. Если бы речь шла только об этом

принятом в теологии различении между традицией и традициями, то Кюнг был бы совершенно традиционным теологом, представляющим в целом традиционное христианство. Но в своем споре с Ранером он, однако, отрекается от этого, он не хочет заниматься системно-имманентной теологией.

Нетрадиционное в теологии Кюнга обнаруживается тогда, когда спрашивают о критериях, с помощью которых различают между традицией и традициями. Об этой проблеме речь шла в дебатах по поводу книги Кюнга "Безошибочно?". В книге "Быть христианином" Кюнг не выступает против традиции, против догматов и исповедания как таковых. Совсем напротив! Тезис Кюнга говорит о том, что традиция даже там, где она санкционирована догматическими дефинициями, не может быть ложной априори, т.е. ложной заранее и ложной в своем основании.

С позитивной точки зрения Кюнг описывает свой новый теологический стиль как "метадогматический", это нельзя путать ни с недогматическим, ни с анти-догматическим. Метадогматическая форма мышления построена на серьезном отношении к диалектике истины и лжи, функциональности и вещественной прикреплённости догматических дефиниций, короче, к историчности. Поэтому Кюнг пишет: "Всякое суждение может быть истинным и ложным — в соответствии с тем, как оно говорится, к чему оно говорится и что имеется в виду."

Критерий для различения ложного и истинного — вот что является самым решающим. "То, что решает с самого начала в христианской вере, может быть выражено /на уровне метадогматики/ концентрированнее, богаче и прекраснее, чем в догматической школьной теологии". Нельзя сказать, что теологическая программа Кюнга не может найти никакого оправдания.

То, что книги Ветхого и Нового Заветов должны дать меру первоначального свидетельства для всей теологии и то, что церковное наставничество должно подчиняться Слову Божьему, а не возвышаться над ним — все это уже было выражено Ватиканским Собором. Об историчности догматов также говорится и в знаменательной речи, произнесенной папой Иоанном XXIII перед открытием второго Ватиканского Собора и в документах как соборных так и послесоборных. Следовательно,

можно сказать, что церковь в основном пытается освободиться от слишком догматичной в прошлом догматической теологии, наставнического позитивизма. Мы нуждаемся в теологии, которая была бы в большей степени ориентирована на Писание, но при этом следила бы и за "знамениями времени". Можно даже с решительностью сказать, будущее христианства большей частью зависит от того, найдет ли теология выход из темницы традиционной школьной теологии.

Поэтому справедливо требование, выдвинутое Кюнгом: "Никакого назад!" Этим, однако, не определяется то, каким должен быть правильный путь вперед. В качестве решающего вопроса для этого правильного пути в будущее теологии встал вопрос: Каково соотношение между догматическим сознанием церкви и тем, "что является решающим с самого начала"? Мнение ~~Кюнга~~ Кюнга очень определено.

II. Первоначальное христианство

Уже в своей знаменитой диссертации "Оправдание. Учение К.Барта и его католическая интерпретация" Кюнг присоединяясь к энциклике Папы Пия XII /1950года/, которую никак нельзя заподозрить в прогрессивизме, подчеркивает наряду с историчностью догматов также "необратимое преимущество" Писания перед догматами и прочими свидетельствами традиции. "Источник, из которого черпает католическое учение и теология, — это слово Божье". Словом Божьим в строгом смысле слов является только Святое Писание. Поскольку оно представляет собой слово Божье "непосредственно и ошутимо", оно обладает и "необходимым преимуществом" перед традицией, где документы только "содержат" слово Божье. Эта позиция, как видим, соответствует основной линии Второго Ватиканского Собора.

Но у Кюнга, в результате преимущества Писания перед традицией, вырабатывается преимущество Писания и перед церковью. Это смещение, которое можно найти уже в работе "Структуры церкви", произошло в связи с

обращением экуменически ориентированного Кюнга к апостольскому преданию. Здесь речь идет об опосредовании послеапостольской церковью первоначального свидетельства, имеющего место в Писании.

В "Структурах" Кюнг делает широкие выводы о том, что церковь и все ее члены следуют и апостольскому преданию и что, хотя апостольское предание и не имеет гарантии в институте епископства, оно являет собой сакраментальный знак того, что церковь живет в апостольской вере. Это понимание апостольского предания является не просто традиционным. Однако, оно в целом соединяется с традицией и развивает ее дальше. Новое выражает себя в "Структурах" в форме вопроса. Присоединяясь к подробному реферату по поводу тезисов апостольского предания знаменитого лютеранского теолога Е. Шлинка, Кюнг предлагает осмысливать вопрос "необычайного" пути к церковному наставничеству. То, о чем здесь спрашивается еще с некоторой осторожностью, получает в "Церкви" и в меморандуме о наставничестве все более решительный и однозначный ответ, который находит свое выражение в "Быть христианином", где сказано, что особенно в крайних случаях открываются "новые пути" в сфере церковной службы и апостольского следования церковных служителей.

То, что этот тезис нечто большее, чем решение ^{отре} паренничной проблемы, видно в "Безошибочно?", где подвергается существенной критике взаимозависимость Писания с традицией и наставничеством. Писание, следовательно, становится перводокументом, благодаря которому мы имеем единственный критерий, чтобы различить "Где мы отмечаем в традиции прогресс и регресс, где развитие и где отставание, где верность и где отпадение".

Таким образом, апостольская традиция в Писании отделяется от апостольского предания в епископском служении и противопоставляется ей в качестве самостоятельного критерия.

В этом случае она также отделяется и от конкретного опыта церковной общины. Апостольство — это не статичный атрибут церкви, оно — "историческое измерение", которое вновь и вновь реализуется в истории, и его нельзя "просто

констатировать и демонстрировать", оно "должно стать событием в той истории, которое и составляет живое единство церкви и апостолов".

Всякий, кто хоть немного знаком с историей церкви последних трех столетий, должен почувствовать какие великие последствия имело это противопоставление апостольского свидетельства, "как оно нам дано в Писании", и послеапостольской церкви.

В первые века в борьбе против гностицизма, в этом наименее труднейшем из всех ее споров, церковь выдвинула три основных принципа, на которые она опирается и сейчас: включила в канон Писания апостольскую традицию и апостольские предания в епископское служение. Все три образуют нерасторжимое единство, поскольку Писание и традиции, как об этом свидетельствует и Ириней и Тертуллиан, встречаются в своем конкретном виде и в церкви конкретно, находящейся в сообществе с апостольским служением.

Собрание Писаний в канон и их защита перед лицом "гностических" обвинений и искажений — вот в чем заключалось дело церкви. Поэтому письменный канон существует лишь перед лицом взаимосвязи между традицией и преданием. Мы обладаем устойчиво ~~нормативным~~ началом лишь в продолжении, нормированном им, в послеапостольской церкви.

Отсюда следует двойной вывод: церковь устойчиво соединена с Писанием как со своим каноном или масштабом, любое благовествование может и должно быть лишь живым изложением Писания. Но это живое изложение Писания может лишь тогда совершаться со всей осмысленностью и соответствовать канону, когда оно совершается внутри церкви, тоже внутри, конкретной церкви, находящейся в союзе с апостольским служением. Благодаря акту "канонизации" апостольская церковь подчинила себя Писанию, но таким образом она одновременно поставила себя над всяким субъективным изложением Писания отдельным человеком.

Когда забывается об этих фундаментальных и лежащих в основе церковного существования предпосылках, возникает необходимость вновь поставить вопрос о критериях христианства, поскольку одно Писание еще не способно создать

правильное его изложение.

III. Критическое христианство

Слово "критика" и "критический" обладает множеством смыслов. В данном же контексте оно означает лишь историко-критический метод, который, следуя Кюнгу является "инструментом" в руках сегодняшнего теолога, "благодаря которому может быть спрошено об истинном, действительно историческом Христе, что было невозможно в более ранние столетия". Критерием христианства является поэтому не Писание, Писание в историко-критическом изложении. Здесь мы имеем перед собой вторую возможность для развития первоначальной позиции Г.Кюнга, осуществляя которую он все более освобождается из-под власти теологического мышления Барта и попадает в сферу влияния историко-критического мышления, что особенно ярко проявилось в совпадении его позиции с тюбингенским теологом Е.Каземаном. Впервые это обращение к историко-критическим установкам становится ощутимым в сочинении "Ранний католицизм в Новом Завете", как контроверзо-теологическая проблема", но оно совершается пока на уровне контроверзо-теологическом и апологетическом. В то время как в этом сочинении целое Писание еще объявляется нормой, в книге "Безошибочно?" признается, что Писание не исключает ошибок, ни недостатков, "ни замутнения, ни смеси, ни ограниченности, ни ошибочности". Вопрос об ошибочности или безошибочности Писания становится теперь, когда всерьез учитывается человеческая природа и историчность Писания, совсем иначе, нежели в книге "Оправдания", теперь он полностью переходит в ведомство церкви: "Как можно у церкви, так это можно и в Священном Писании... как не в церкви, так и не в Священном Писании".

И если Библия, прочитанная историко-критически, должна остаться канонем, то для этого канона нужен еще один канон. Для Г.Кюнга решающим в этом случае является вопрос, который был поставлен вновь Е.Каземаном — вопрос об историческом Иисусе.

В, вероятно, наиболее прекрасной книге Кюнга "Церковь" речь не идет больше как в книге "Оправдания", о христологии "сверху", но о христологии "снизу", поскольку в центре находится проблема исторического Иисуса.

"Быть христианином" затем уже осуществляет всю программу христологии "снизу". Кюнг стремится не к "распылению" различных свидетельств Нового Завета, он хочет просто дифференцировать и нюансировать их, чтобы сконцентрировать их затем вокруг их собственного центра. Но, собственно, первоначальную и основополагающую роль Писание для него теперь не играет, она достается "Евангелию Иисуса", тому "что собственно и хотел Иисус". Это — "воспоминание" об Иисусе, который был назван на новозаветном греческом языке "Христос", что и связывает 27 "книг" Нового Завета. Последним критерием аутентичного христианства будет, следовательно, "действительный Христос", каким мы восстанавливаем Его сегодня на многочисленных библейских свидетельствах. Очевидно, отличие от исходной позиции Кюнга. В своей книге "Оправдания" он задает вопрос протестанскому теологу, который ищет "мужественно, свободно и великодушно во все столетия и надо всеми небесами: как конкретно понять здесь связанность в послушании? Кто здесь различит, что хорошо и что правильно, кто пригласит к своей кафедре, кто будет судить обо всех философиях и теологиях, обо всей церковной традиции? Человек перед Священным Писанием?" Но кто же в конце концов судит о Священном Писании, прибегая к пневматически-свободной интерпретации! — о Священном Писании!? И, в доброй вере — ~~же~~ также о Христе? Разве не одинокий отдельный человек, который может быть вдохновлен Святым Духом, но который судит обо всем с помощью "естественного" разума. Как же понять, говорит ли ~~он~~ через него — Святой Дух или мировой Дух?" В своей первой публикации Г. Кюнг ставит под сомнение эту свободу, квалифицируя ее, как "скрытый произвол".

Было бы бессмысленно запретить теологу прогрессировать в своем познании и ~~характеристик~~ перерастать свои первые публикации. Но лучше задать вопросы относительно более поздней позиции самого Кюнга. Ведь как раз история

"изучения жизни Иисуса" показывает нам, что, несмотря на все методологические ухищрения, дух исследователя вытесняет здесь Дух Иисуса. Не даром же К.Барт высказался так: "исторически-критическое должно быть более критичным". Критика должна быть также критична и по отношению к себе самой, она не только не должна не доверять авторитетным претензиям, что, конечно, имеет место — она также должна знать об ограниченности и ущербности собственной субъективности, которую она критически осмысливает лишь в том случае, если откроет ее перспективы и поместит ее в более обширное целое. Человеческая истина может быть найдена лишь в интерсубъективных и интеркоммуникативных процессах согласия.

Такие упреки можно не раз сделать Кюнгу. Конечно же, нужно полагаться на то, что в процессе историко-критического исследования — как в прошлом, так и в будущем — отдельные позиции критически ограничивают друг друга, исправляют и ведут к нужной интеграции. Если бы речь шла только об адекватно академической теологии, то это доверие могло бы вполне опереться лишь на пробивную силу научных аргументов. Но может ли подобный ответ удовлетворить церковную общину? Не значит ли это, что институт епископства хотят заменить профессорами теологии, в аргументы и работу которых "простой" христианин может лишь "верить", поскольку он ничего не понимает в сложности научного метода и предпосылок.

Потому и для Кюнга историческая критика не говорит последнего слова тогда, когда речь идет о вере или безверии. Он не говорит о реставрации или реконструкции веры, он говорит о Иисусе, "каким Он встречается нам здесь и сегодня"; он интересен тем, что может сказать нам в горизонте современности о человеке и обществе". Такая вера не обосновывается историко-критическим исследованием об Иисусе, она не обосновывается наукой вообще. Подобное исследование "может лишь помочь нам быть в ответе за свою веру перед самим собой и перед другими". Поэтому и для Г.Кюнга в его "Быть христианином" речь идет не только о критическом, и в этом глубина замысла и новый акцент книги "Быть христианином".

1У. Человеческое христианство

" Лишь вера в Иисуса Христа делает человека действительно человеком, поэтому христианство — это радикальный гуманизм. Такая действительно человеческая вера не должна быть слепой, она покоится на ответственности, она должна находиться в контакте с действительностью, должна сохранить себя — в горизонте опыта современного человека и общества". Это приводит Кюнга к тому, что он тематически осмысливает тот поворот к человеку, который совершился в Новое время и пытается дать ответ на требование современного гуманизма. Здесь полностью оправдывается точка зрения нововременной субъективности /не путать с субъективизмом!/, которая уже скрывалась за историко-критическим способом мыслить. При этом Кюнг стремится к "гуманизации" церкви, современной помощи некритического теологического модернизма и без измеления христианской "субстанции".

Этот поворот к человеку, незаметный в более ранних публикациях, происходит не без обращения к теологическому пониманию Писания, традиции, Слова Божия и, не в последнюю очередь, христологии. В книге "Оправдания" он говорит, что Писание является "словом Бога непосредственно и ощутимо в каждом предложении, в то время как документы традиции лишь с о д е р ж а т это Слово". Знакомство с методами и результатами историко-критического исследования делает подобные высказывания более невозможными. Поэтому в книге о церкви говорится, что в человеческом слове этих писаний слова Божественного откровения обрело свое первоначальное свидетельство. В книге о "Безошибочности" Кюнг выступает с критикой учения о боговдохновенности. Действие Святого Духа не признается теперь не только в сфере создания "организации Писания", но также и в сфере его изложения и усвоения; лишь "в вере" Писание познается как Евангелие.

"Быть христианином" продолжает эту линию и вбирает событие Божественного слова в субъективность верующего:

"Библия— это не просто Божье Слово"; она также не просто содержит это Слово"; "Библия становится Словом Божиим", и становится им "для каждого верующего, кто доверяя и веруя полагается на ее свидетельство и тем самым на провозглашенного в том свидетельстве Бога и Иисуса Христа."

Пободный же перенос священного события на субъективность верующего мы находим и при толковании евхаристии в книге "Быть христианином", т.е. присутствие Христа получает здесь чисто функциональную трактовку.

Наиболее разительно это совершается в христологии. Божественное сыновство Иисуса означают, что здесь не проясняет онтологические предпосылки. О их содержании можно лишь спрашивать. Спросить нужно о том, не встречаем ли мы здесь в конце концов Бога Платона и Плотина, не становится ли божественная суверенность— в результате усилий К.Барта и Г.Кюнга— в конце концов сверхпонятием, невыразимым и бессловесным Единым, воспринимаемым лишь в бессловесном акте веры, но высказываемым не через мысль, не через слово.

Релятивизация догматической формы традиции подействовала очевидно и на догматическое содержание этой традиции, к которой не в последнюю очередь принадлежат и древние церковные постановления насчет Божественного Сыновства Иисуса и учения о Троице. Степень того, какой опасности подвергается у Кюнга "объективная" христианская "субстанция", которая поглащается в ее имманентном самоосуществлении нововременной субъективностью, проясняется, вероятно, в самом детальном суждении книги "Быть христианином", суждении, направленном против староцерковной христологии с ее принципом "Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом". Кюнг спрашивает: "Но кто из разумных людей сегодня захочет стать Богом?" Само собой разумеется, цитированное суждение нужно понимать должным образом. Имеется в виду, что человек реализует себя и обретает Бога сполна только иногда, когда его наполняет нечто, переходящее всякую человеческую возможность и действительность, когда его наполняет Бог. Если это оспаривает-

ся Е.Топичем и его не только антиметафизической, но и антитеологической метафизикой, а если очеловечивание человека становится альтернативой его обожествления, то мы вступаем в опасную близость к кантовской "величии" внутри границ чистого разума, для которой вера в Писание и традицию интересна лишь в той степени, в какой она обнаруживает себя как средство для осуществления и распространения морального времени, осуществления всех человеческих обязанностей как божественных заповедей." Кюнг формулирует до не различности похоже: "Если эта трактовка "того, что происходило с Иисусом из Назарета, вочеловечившемся Богом", имеет для современного человека еще какой-то смысл, то потому, что она что-то говорит о очеловечивании человека."

Если история Бога и человека подпадает таким образом под критерий человеческой субъективности, то, соответственно, нет нужды в авторитетном опосредовании этой истории. Ведь последняя имеет смысл и приемлема с христианской и человеческой точки зрения, если ее понимать как сакраментальный знак милости, которая приходит к человеку "извне" и приводит его к его внутреннему осуществлению. Многие из текстов в "Быть христианином", т.е. присутствие Христа получает здесь чисто функциональную трактовку, неразрывное единство личности и вещи, свидетельства и свидетеля, формы и содержания, которое аналитическим образом проявляет себя в церковном благовестии. Здесь, в центре христианской веры, мы обнаруживаем: нет христианства без значимой и непрерывной традиции.

У. Церковное христианство?

Как и во многих других своих публикациях, в "Быть христианином" Г.Кюнг не хочет отказываться в жизни великой 20-вековой христианской и одновременно церковной традиции. Он хочет остаться в церкви, поскольку в ней "несмотря ни на что" существует оправдание для великой истории, "из которой живут в союзе со многими людьми." Личное намерение Кюнга вполне понятно. Его трудно обсуждать. Единственно, о чем

здесь может идти речь — это объективные критерии, по которым нужно измерять церковь и церковное бытие каждого отдельного христианина. Канон писания, апостольская традиция и апостольское предание существуют в неразрывном единстве. Эти три критерия не рядоположены друг к другу, как будто один раз можно было бы обращаться к Писанию, другой — к свидетельству традиции, а третий — к наставничеству. Писание остается душой в с е й теологии и ее высказываний: но Писание не существует обособленно и изолированно, оно воспринимается только в церковной традиции изложения. Апостольская традиция включает в себя не отдельные учения и не отдельные документы, в которых бы отразилась традиция /литургия, отцы церкви и т.д./, но живое, несомое духом Христа изложение Писания, его "духовное" постижение, затрагивающее не только учение, но и всю жизнь церковной общины. Апостольское предание, наконец, создает пространство, в котором возможно с в я з н о е постижение и в котором требования веры становятся к о н к р е т н ы м и. Оно — форма, содержание которой образует апостольская традиция.

Традиция в неологическом смысле слова должна рассматриваться с двух точек зрения: она являет собой "духовное" изложение Писания и она — свидетельство Писания, в которое верует к о н к р е т н а я ц е р к о в ь и которым она практически живет. Она в такой же степени представляет собой действие, жизнь, событие, в какой и содержательное свидетельство. Поэтому ее нельзя считать чем-то неизменным, простым историческим балластом, т.е. "помойкой" церковной истории, в которой между множеством мусора и отбросов можно иногда обнаружить и ценную археологическую редкость. Она — жизненная величина, актуализируемая каждый раз заново и получающая новое историческое воплощение. В н у т р и этой традиции поэтому остается пространство как для историко-критического изложения Писания, так и для изложения его "в горизонте современного человека и общества". Но оба момента нельзя понимать в изоляции от "жизненного положения" всех высказываний веры, от внутрикоммуникатив-

ных процессов в жизни общины. Традиция поэтому представляет собой не только предмет исследования, но также пространство понимания и жизни, ее предусловие, тот сук, на котором сидит сама жизнь, и который нельзя ни срубить, ни спилить.

Самые лучшие слова на эту тему были, вероятно, произнесены тюрингемским теологом Адамом Меллером: "Скажут: куда это может привести, как не к убеждению, что кроме католической церкви и вне ее не существует объективной очевидности христианства? Это, действительно, так. Я слышу полные презрения слова: ничего, кроме церкви, церкви, церкви: и я отвечаю: нет ничего другого и ничего не может и быть другого; ведь без церкви у нас нет Христа и нет Священного Писания. "Удалите католическую церковь из истории христианства и спросите себя, что же вы еще знаете о христианстве?" Уже Меллер поставил вопрос о доказуемости этого тезиса: "Нет другого доказательства, кроме доказательства по аналогии, состоящего в том, что всякая попытка убедиться каким-либо другим образом в уверенности обладания истинным учением Христа, не понятна в себе и вообще не возможна....; ведь предпосылка всех предпосылок не может сама иметь предпосылку."

Подобным же образом рассуждает и Кун И.Е., очевидно, самый значительный систематик католически-теологической тюрингемской школы: "если мы отбросим внутреннее озарение в качестве принципа веры, то у нас остается лишь церковный принцип традиции и авторитета, т.е. рационализм." Альтернативой к церковному христианству могла быть по Е.Кэземану только "просветительская модификация, получающая свой смысл из антитезы к церковной традиции". Но об этом Кэземан предупреждал более, чем 10 лет тому назад. Каждый, кто знает Кюнга и читал его книгу "Быть христианином", понимает, что он не хочет двигаться в этом направлении. Но между субъективной интенцией и некоторыми объективными высказываниями этой книги — напряжения, которые трудно опосредовать. И если встающие здесь вопросы оценить по справедливости, то нужно заметить, что связь между тра-

дицией и необходимой в сегодняшней теологии исторической критикой представляет собой задачу не решенную убедительно еще никем из современных теологов. Открытие проблемы "Быть христианином" это не только вопрос к Г.Кингу, но и задача, стоящая перед сегодняшней теологией вообще.
